

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ Ю. В. БРОМЛЕЯ, М. В. КРЮКОВА «ЭТНОГРАФИЯ: МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУК, ШКОЛЫ, МЕТОДЫ» *

В. Ф. Горленко

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Ю. В. БРОМЛЕЯ И М. В. КРЮКОВА

В последние десятилетия представители большинства дисциплин обращаются к углубленному рассмотрению принципиальных основ своих наук, уточнению их предмета и задач. Развитие советской этнографии также характеризовалось интенсивной разработкой таких основополагающих вопросов, как теория этноса, объект и предмет этнографии, место в системе наук, методика этнографических исследований¹ и пр. Посвященные этим, как и ряду других проблем, фундаментальные труды академика Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография» (М., 1973), «Современные проблемы этнографии» (М., 1981), «Очерки теории этноса» (М., 1983) внесли много принципиально нового в их разработку, начав поистине качественно новый этап развития этнографической науки.

Опубликованная Ю. В. Бромлеем и М. В. Крюковым статья кратко суммирует достижения советских ученых в разработке методологических основ этнографии в связи с уточнением ее понятийного аппарата и составлением соответствующего словаря. Она вносит ясность в понимание многих вопросов, хотя отдельные их аспекты нуждаются, на наш взгляд, в дальнейшем обсуждении.

Прежде всего об «основоположнике современной этнографии» (с. 49), кому приписать честь считается ее зачинателем. По сути дела, речь идет об определении времени, когда этнография заявила о себе в качестве самостоятельной научной дисциплины. Соглашаясь с Ю. В. Бромлеем и М. В. Крюковым в том, что нет достаточных оснований для того, чтобы считать датой рождения этнографии 1877 г., когда увидело свет «Древнее общество» (с. 49), поскольку уже в первой половине XIX в. появился термин «этнология» и был высказан ряд важных идей, связанных с определением предмета этой науки, нельзя вместе с тем не отметить, что постановка вопроса о времени оформления этнографии как науки в обсуждаемой статье также выдержана в традиционном духе; «создание» ее связывается с одним, пусть даже и много сделавшим, как В. Эдвардс, ученым.

* Ссылки на исходные статьи и реплики участников дискуссии даются в текстах статей данного номера.

¹ Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. О соотношении истории, этнографии и социологии//Сов. этнография (далее — СЭ). 1969. № 3; Чистов К. В. Фольклор и этнография// Там же. 1968. № 5; Козлов В. И., Покишишевский В. В. Этнография и география// Там же. 1973. № 1; Токарев С. А. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран// Там же. 1967. № 5; Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. К этнографическому изучению города// Там же. 1981. № 3; Першиц А. И. К проблеме сравнительно-исторического синтеза// Народы Азии и Африки. 1980. № 4, и мн. др.

В таком плане велись споры в прошлом, например по вопросу о «начале» украинской этнографии². Н. Ф. Сумцов и В. П. Горленко связывали «начало» украинской этнографии с личностью Г. Калиновского; А. Н. Пыпин и Е. М. Огоновский — Н. А. Цертелева; В. Доманицкий — Зориана Доленги-Ходаковского. Между этими учеными не было существенных расхождений в самой постановке вопроса о «начале» украинской этнографии: она связывается с каким-то одним конкретным лицом, что методологически вряд ли можно признать обоснованным. В таком же традиционном плане ставился вопрос о «дате рождения этнографии» и позднее, в том числе и в работе С. П. Толстова «К. Маркс и Л. Г. Морган», на которую ссылаются Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков.

В этнографической литературе высказывались различные точки зрения о времени оформления этнографии в качестве самостоятельной научной дисциплины. По мнению М. О. Косвена, этнография обнаруживает себя как наука уже в XVIII в.³, С. А. Токарева — «около середины XIX в.»⁴. Согласно взглядам французского ученого Марселя Мосса, этнография превращается в науку только в XX в.⁵

Соглашаясь с теми, кто считает, что этнография в России сложилась в качестве самостоятельной науки к середине XIX в. (к ним относятся, кроме С. А. Токарева, Ю. В. Бромлей и К. В. Чистов)⁶, отметим, что подобное заключение должно быть подкреплено убедительными аргументами, в частности для выделения науки нужны четкие критерии. Несомненно, что и появление наименования, и определение предмета науки, на что ссылаются Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков, приписывая заслугу «создания» этнографии (этнологии) В. Эдвардсу, являются существенными признаками «рождения» этнографии. И все же не преувеличено ли значение В. Эдвардса?

Если говорить о термине «этнография», то к 20-м годам XIX в. он приобрел в России значительное распространение в качестве названия соответствующей научной дисциплины. В начале 1830-х годов И. И. Срезневский также касался определения предмета этнографии. Сама постановка вопроса о дефиниции научной дисциплины свидетельствует об определенной зрелости, значительном уровне ее развития. Быть может, целесообразно отнести оформление этнографии как науки именно к указанному времени, т. е. к концу 1820-х — началу 1830-х годов, учитывая работу и Эдвардса и Срезневского, а также открытие в 1826 г. в журнале «Северный архив», а затем и в ряде других русских журналов специальных рубрик «Этнография», включение в статью «Великая Россия», помещенную в «Энциклопедическом лексиконе», этнографических характеристик населяющих ее народов? Если мы будем придерживаться мнения, что этнография в качестве самостоятельной науки оформилась к середине XIX в., то как тогда квалифицировать научно-этнографические явления 1820—1830-х годов и вообще все то, что происходило в этнографии в предшествующие столетия, так как интерес к народам и племенам мира, накопление этнографических сведений имеют многовековую историю.

Выяснить это, по-видимому, нельзя, не рассмотрев становление этнографии как науки в контексте глобального процесса развития научного знания, общая схема генезиса которого с выделением основных этапов разработана советскими философами, в частности акад. Б. М. Кедровым. Он считает, что ведущей тенденцией развития науки в целом была диф-

² Высказываемые в настоящей статье соображения в значительной мере — результат работы над книгой «Становление украинской этнографии конца XVIII — первой половины XIX в.», рукопись которой находится в издательстве «Наукова думка».

³ Косвен М. О. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII—XVII вв.)// Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956. Вып. 1. С. 70.

⁴ Токарев С. А. Истоки этнографической науки. М., 1978. С. 4.

⁵ Гофман А. Б. Социологические концепции Марселя Мосса// Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1971. С. 101.

⁶ См. Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии// Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М., 1975. С. 8.

ференциация ее на отдельные отрасли, начавшаяся еще в эпоху Возрождения, резко обозначившаяся к концу XVIII в. и в «одностороннем» виде исчерпавшая себя к середине XIX в.⁷

В процессе вычленения этнографии из общего потока научного знания можно наметить три основных блока компонентов, уровень развития которых служит признаком уровня развития этнографии и позволяет определить тот рубеж, с которого она выступает как наука: 1) степень накопления первичного фактического материала; 2) разработка теоретических вопросов, связанных с осмыслением данных и решением принципиальных вопросов дефиниции этнографии; 3) постановка и решение научно-организационных вопросов развития этнографии (создание специальных учреждений, разработка научно-инструктивной литературы, организация профилирующих изданий, развертывание собирательской работы и пр.).

В конце 20—30-х годов XIX в. в России не существовало еще этнографических учреждений, отсутствовали и специальная периодика, программы и пр. — не были решены организационные вопросы становления этнографической науки.

Важнейшее, принципиальное значение имели вопросы, связанные с определением предмета и метода этнографии. Применительно к концу 1820—1830-х годов нет, однако, еще оснований говорить о решении этих вопросов, так как Эдвардс высказал только «ряд важных идей»; Срезневский также затронул эти вопросы лишь походя.

Несравненно больше было сделано в этом отношении в 40-е годы XIX в. В 1843 г. харьковский исследователь К. М. Сементовский, формулируя задачи изучения традиционно-бытовой культуры украинского народа⁸, расширил понимание объема этнографии до изучения «быта прежнего и настоящего», выдвинул в качестве важнейшего условия собирательской работы положение о точности записи, аннотации и систематизации собранных материалов и др., дав, таким образом, ряд рекомендаций методического характера.

Тремя годами позже, в 1846 г., председатель отделения этнографии РГО К. М. Бэр выступил на заседании РГО с программной речью «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности»⁹, где изложил свои взгляды на этнографию как науку, определив ее назначение, место в системе исторического знания и пр. Хотя ряд тогдашних ученых не был удовлетворен тем, что наука нацелена на изучение экзотических племен и народностей, такая постановка показательна для понимания становления этнографии как первая в России специальная попытка дать ее определение.

Точку над «i» в этом отношении поставил сменивший годом позже Бэра на посту председателя отделения Н. И. Надеждин, о котором, как кажется, должны были упомянуть Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков. Н. И. Надеждин посвятил решению принципиальных вопросов этнографии специальную разработку в виде большого доклада «Об этнографическом изучении народности русской»¹⁰, который был прочитан им на одном из заседаний РГО в 1847 г. Ученый достаточно четко определил «границы» этнографии. Выдвинув требование создания этнографии собственно «русской» (восточнославянской), он уже в то время справедливо указал, что объектом исследований этнографии являются конкретные «народы», «народности», а не человек вообще и не культура сама по себе¹¹.

⁷ Кедров Б. М. О современной классификации наук//Вопросы философии. 1980. № 10. С. 86—87.

⁸ Сементовский К. М. Очерк малороссийских поверий и обычаев, относящихся к праздникам//Молодик. Харьков, 1843. Ч. II. С. 106—107.

⁹ См. Записки РГО//СПб., 1846. Кн. 1. С. 93—115.

¹⁰ Опубликовано в «Записках РГО». СПб., 1847. Кн. 2.

¹¹ «Первая попытка теоретически обосновать» это представление была предпринята, таким образом, не «в начале XX в. Н. М. Могиланским» (С. 55), а в 40-х годах XIX в. Н. И. Надеждиным.

Надеждин в целом верно определил также и предмет этнографии, выделив три ее исследовательские зоны и охватив изучением основные компоненты традиционно-бытовой культуры, семейной и общественной жизни. Общие положения были им конкретизированы в разработанной в том же году под его руководством этнографической программе¹², ориентировавшей исследователей на изучение почти всех сторон культуры и быта. Надеждин уже тогда предпринял попытку определить специфику этнографии, ее место в системе гуманитарного знания, размежеваться в изучении народов с другими науками. Большое значение в становлении этнографии имело выдвинутое им в указанном докладе требование систематизации и обобщения собираемых материалов, просеивания их сквозь «горпило строгой, разборчивой критики», установления связи между исследуемыми явлениями как неперемного условия всякой науки. Полученные в РГО многочисленные ответы на распространенную в 1847—1848 гг. программу (в 1852 г. она была переиздана и вновь разослана на места) составляют сейчас золотой фонд этнографической науки.

Многие мысли и положения, выдвинутые Надеждиным, не потеряли своего значения до настоящего времени. Его перу принадлежат этнографические статьи по конкретным народам; он обладал значительным опытом полевой собирательской работы, совершив, в частности, две поездки по южнославянским странам¹³.

Большое внимание уделял Надеждин также изучению украинцев. Решение им основополагающих вопросов этнографии, его большая организационная работа позволяют, на наш взгляд, считать именно его основоположником восточнославянской этнографии.

К середине XIX в. развитие этнографического знания обозначилось в области теории не только уяснением дефиниций, но постановкой целого ряда научных проблем, связанных с истолкованием фактического материала. К ним относятся кардинальные проблемы культурно-бытовых совпадений или сходств у народов мира, происхождения славян в целом, восточных славян (Руси), украинцев, выделения их локальных групп и пр.

40—50-е годы XIX в. справедливо можно считать временем рождения этнографии в России и в научно-организационном плане: появились специально этнографические учреждения (Отделение этнографии РГО и Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа), началось издание профилирующего печатного органа — «Этнографические сборники»; был издан ряд этнографических программ, развернулась работа по сбору фактического материала путем рассылки программ и организации экспедиций на месте.

К 40—50-м годам XIX в. сформировалась в общих чертах методика этнографических исследований. В ее арсенале был уже ряд методов. В широких масштабах проводилось непосредственное наблюдение явлений народной жизни; значительное распространение при сборе первичных сведений приобрел анкетный метод. В качестве важнейшего исследовательского приема при определении общего и особенного у конкретных народов употреблялось сравнение культурно-бытовых явлений. На повестку дня было поставлено картографирование.

Ф. Энгельс в одной из своих работ¹⁴ выделял в развитии научного процесса периоды «знаний» (сам таксон нуждается, возможно, в уточнении) и собственно науки как два качественно различных уровня. Науку, как более высокую ступень этого процесса, характеризуют, по Энгельсу, «упорядочение» и «приведение» фактического материала при

¹² См. о ней Горленко В. Ф. Поширення на Україні першої в Росії етнографічної програми//Народна творчість та етнографія. 1964. № 3.

¹³ Надеждин Н. И. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по Южнославянским странам//Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. I; его же. О заграничных раскольниках//Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1860. Вып. 1.

¹⁴ Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век//К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I. С. 599.

достаточном («бесчисленном») его количестве «в причинную связь», в систему. В отечественной этнографии понимание необходимости системного изучения фактов нашло свое четкое отражение в высказываниях ряда исследований 40-х годов XIX в. и стало общепризнанным.

В научно-этнографическом процессе конкретных стран и народов есть много общего, но есть и особенности. При определении времени оформления этнографии как науки, по-видимому, нельзя не учитывать эту специфику: у одних народов становление ее произошло раньше, у других — позднее. Одно дело, наверное, африканская этнография и другое — европейская или американская. В различных странах Европы и Америки становление ее происходило также неравномерно.

Верно квалифицируя этнографию как «самостоятельную научную дисциплину» и определяя круг смежных с нею наук, секторы разграничения общих с ними исследовательских зон, нельзя, однако, не ставить вопрос о большей или меньшей степени близости этнографии с конкретными науками, выделяя ближайших «соседей» этнографии. Вопрос этот не праздный. Он диктуется потребностями оптимального определения места этнографии в организационной структуре современных научных, а также учебных, культурно-просветительских учреждений. В настоящее время в этом отношении наблюдается значительный разноречивый. В одних республиках этнография сопряжена с археологией или историей, в других — с языкознанием или искусствоведением, при этом далеко не всегда учитывается традиция развития этнографии в каждой из республик.

Украинская этнография, например, развиваясь в дореволюционное время в конкретных исторических условиях, была особенно тесно связана с комплексом дисциплин филологических. В настоящее время в научно-организационной структуре АН УССР она соседствует, однако, с искусствоведением.

Отмечая «недостаточное внимание до сравнительно недавнего времени ... системному изучению этнографических методов», Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков закономерно отвели в статье значительное место рассмотрению этого вопроса. В статье нашло отражение правильное, уже ранее высказывавшееся в работах Ю. В. Бромлея положение о том, что для этнографии характерен не один, а ряд методов. Отдавая должное методу непосредственного наблюдения как «издавна дающему этнографам основную массу конкретных данных» (с. 47), правомерно указывая на предпочтительность стационарных исследований, авторы говорят о необходимости в связи с «изменениями в исследовательских объектах этнографии» «перестройки» исследовательской работы, «максимального использования всех познавательных приемов» (с. 58), трактуют анкетный способ сбора материалов как один из этнографических методов (с. 51) и др.

Вместе с тем статья не дает ответа на некоторые методические вопросы. Так, неясным остается отношение авторов к картографированию в этнографии: является ли оно одним из ее методов или это только способ обработки и систематизации материалов. В литературе по этому вопросу высказывались различные точки зрения. Картографирование на Украине, где о нем заговорили еще в 1854 г.¹⁵, квалифицировалось уже в 20-е годы нашего века в качестве метода¹⁶. Если картографирование — метод, то каково его место в системе других методов?

Вопрос об иерархии методов также заслуживает своего рассмотрения. В недалеком прошлом в качестве основного метода этнографии выступало непосредственное наблюдение. Позднее основным было принято считать сравнительно-исторический метод¹⁷. Обращает на себя

¹⁵ См. Программа для этнографического описания губерний Киевского учебного округа, составленная В. Д. Дабижею и (по языку) А. Л. Метлинским. Киев, 1854.

¹⁶ См. *Ковалівський А. П.* Картографічний метод в етнології//Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. 1927. Ч. VII. С. 53—62.

¹⁷ *Аргановский С. Н.* О сравнительно-историческом и структурном методах в этнографии//Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968. Вып. 1. С. 216.

мание тот факт, что если в прошлом непосредственное наблюдение рассматривалось чуть ли не как единственный метод в этнографии, то в последние годы наметилась противоположная тенденция — считать отдельные технические приемы, способы сбора первичного материала за самостоятельные методы, необоснованно, таким образом, умножая их количество.

Думается, что в иерархии методов этнографической науки на первые места следует поставить непосредственное наблюдение и сравнительно-исторический метод. Первый по праву считается основным в этнографии благодаря той роли, которую он играл в становлении, развитии и современном функционировании этой науки. Как источник необходимого первичного материала, он является непреложным условием существования этнографии.

Сравнительный метод особо важен в принципиально-научном отношении. Выявление этнической специфики, сходных черт и различий народов-этносов, которые по своей природе являются «категориями сопоставительными»¹⁸, возможно только при их сравнении.

Оба эти метода различны по своему характеру и уровню. Широко практиковавшийся издавна при сборе фактического материала анкетный метод, как сопряженный с собирательской работой, как дополняющий непосредственное наблюдение, также относится к методам первого, будем говорить, низшего уровня. Картографирование, позволяющее проводить систематизацию и обобщение материалов в широких и даже глобальных масштабах, — метод высшего, чем собирательские методы, уровня. Сравнение в своем законченном виде является методом еще более высокого уровня. Это — метод исследовательской практики, подхода к проведению этнографических исследований, интерпретации накопленных фактов, в связи с чем он несравненно больше, чем предыдущие методы, обуславливается методологией.

Думается, что и в отношении методов, так же как и применительно к школам, следует выработать «таксономический критерий», поскольку упоминаемые авторами «стационарный метод», «метод опроса», «генеалогический метод» в одних случаях покрываются более современными названиями, в других — являются процедурами несколько иного плана.

Было бы, наверное, целесообразным возвратиться к системному освещению методов этнографической науки в специальной работе, учитывая, что с развитием этнографии методы ее совершенствовались, усложнялись и видоизменялись; неодинаковой была и интерпретация их учеными различных течений и школ в различные времена, а также, в частности, и то, что осталось невыясненным отношение этнографов к структурному, например, методу и пр.

Есть все основания полагать, что проведенная журналом дискуссия позволит еще глубже проникнуть в понимание отдельных вопросов, изложенных в принципиально важной для дальнейшего развития этнографии, обобщающей статье Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова.

¹⁸ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 16.

М. В. Крюков

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА НУЖДАЕТСЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Не рискуя проводить прямую параллель между научной дискуссией и игровыми видами спорта, хочу все же напомнить, что правила футбола, например, предоставляют вышедшим на поле командам возможность по своему усмотрению решать, какой тактики им следует придержи-